

Способы идеологической адаптации переводного текста

О ПЕРЕВОДЕ РОМАНА Э. ХЕМИНГУЭЯ «ПО КОМ ЗВОНИТ КОЛОКОЛ»

ЕКАТЕРИНА КУЗНЕЦОВА

РЕДИ многочисленных факторов, влияющих на процесс перевода и определяющих характер переводного текста, не последнюю роль играют факторы идеологического порядка. С особой очевидностью вопрос о влиянии идеологии встает при анализе переводов, выполненных в условиях жесткого идеологического контроля и ограничения свободы слова. В некоторых случаях можно говорить о своеобразной идеологической адаптации текста, которая осуществляется с помощью целого ряда приемов. В настоящей статье мы рассмотрим использование этих приемов на примере перевода романа Э.Хемингуэя «По ком звонит колокол», выполненного Н.Волжиной и Е.Калашниковой. Изданию этого перевода предшествовала долгая цензурная история: подготовлен он был в 1941 году, а увидел свет (после многочисленных попыток публикации) только в 1968-м. Претензии к содержанию романа выдвигались на разных этапах и, что облегчает анализ, отражались в официальных документах. Масштаб расхождений перевода с оригиналом в данном случае достаточно значителен, что дает возможность выявить определенные тенденции в использовании адаптационных приемов, а также поставить вопрос об общем характере трансформации текста. Наконец, наличие неопубликованных редакций этого перевода позволяет сопоставить адаптационные стратегии, использовавшиеся при попытках публикации романа в разные годы.

Цензурная история перевода романа «По ком звонит колокол» неоднократно становилась предметом исследований. Известно, что в 1940 году, после публикации в США, роман вы-

звал возмущение участников бригады Линкольна. В конце 1940 г. их открытое письмо Хемингуэю было напечатано в журнале «Интернациональная литература».

Тем не менее, в Советском союзе, по воспоминаниям Р. Д. Орловой, уже к марту 1941 г. переводчики кашкинской школы Н. Волжина и Е. Калашникова подготовили перевод романа для публикации в Гослитиздате и журнале «Знамя». В фонде журнала «Знамя» в РГАЛИ сохранилось два варианта машинописи предложенного к публикации текста с правкой переводчиков. В качестве редактора перевода указан И. А. Кашкин. Обе редакции названы по имени главного героя — «Роберт Джордан. Главы из романа „По ком звонит колокол“», и обе значительно сокращены по сравнению с оригинальным текстом. Собственно идеологическая адаптация в них налицо и проявляется в гораздо большей степени, чем в позднейших версиях. Следует также отметить, что в машинописи встречаются фрагменты текста, не связанные с контекстом по смыслу (при правке они зачеркивались). Наличие этих фрагментов, по всей видимости, свидетельствует об уже существовавшей на тот момент более полной (возможно, что и окончательной, завершенной) редакции перевода.

Однако даже сильно адаптированный вариант опубликован не был. Как указывал А. В. Блюм, судьба романа «По ком звонит колокол» обсуждалась в Управлении пропаганды и агитации ЦК партии. Дело о его издании было заведено за двадцать дней до начала войны, 2 июня 1941 г. Как сообщает Блюм, к делу были подшиты «докладная записка Рокотова Жданову, курировавшему идеологию, резолюция Управления и обширные выдержки („выпечатки“, как указано в деле) из романа, содержавшие особо „криминальные“ места». Повод для критики очевиден: прежде всего, роман осуждался за сочувственное изображение Каркова, прототип которого, Михаил Кольцов, в 1940 году был расстрелян по доносу бывшего генерального комиссара интербригад Андре Марти, а также за «клевету» на участников интербригад (в том числе на самого Марти). В итоге, несмотря на то, что в редакции 1941 г. ни Карков, ни Марти вообще не упомянуты, роман решено было не печатать, более того, о нем вообще запрещалось упоминать.

Как писала Р. Д. Орлова, тогда же, в самом начале войны, перевод романа ходил по рукам. При этом в ходу было как минимум два варианта перевода. Со ссылкой на свидетельство И. А. Кашкина Орлова отмечала, что в 1941 году солдаты в Минской и Новгородской областях читали выделенную из романа «повесть о партизанах». Далее Орлова указывает: «То, что из романа была выделена некая повесть, подтвердилось. Один человек

читал ее в Москве, другой — в Ташкенте». При этом по разным городам разошлась и «подлинная рукопись перевода романа». Что такое «повесть о партизанах», сказать трудно. Не исключено, что имеется в виду та самая неопубликованная редакция 1941 г., в которой действительно отсутствует большая часть эпизодов, не связанных непосредственно с партизанским отрядом. «Подлинная» же рукопись, как отмечала Орлова, «после пятидесяти шестого года вылилась в начинающийся самиздат».

Новые попытки публикации романа предпринимаются уже после смерти Сталина. Тогда же о «Колоколе» вновь начинают писать. В апрельском номере журнала «Иностранная литература» за 1956 год публикуется обзорная статья И. А. Кашкина «Перечитывая Хемингуэя», где «По ком звонит колокол» разбирается подробно и с цитатами.

Самое непосредственное отношение к судьбе перевода имели некоторые события, произошедшие после смерти Сталина. Это реабилитация Кольцова и последовавшее уже в 1953 году осуждение и исключение из французской компартии Андре Марти. Столь кардинальное изменение положения двух деятелей теоретически увеличивало вероятность публикации. Тем не менее, несмотря на все старания Н. Волжиной и Е. Калашниковой, дело на долгое время ограничилось лишь разрешением упомянуть роман. О попытках опубликовать его свидетельствует записка отдела культуры ЦК КПСС от 25 января 1958 года, приложенная к постановлению комиссии ЦК КПСС «О мероприятиях по устранению недостатков в издании и критике художественной литературы». Составители записки сообщали: «На практику издательств и литературных журналов нередко влияет давление переводчиков и рецензентов, которые исходят из субъективных взглядов, эстетских вкусов, а иногда и личной заинтересованности. <...> Переводчики и близкие к ним люди настойчиво рекомендовали издательствам роман Хемингуэя „По ком звонит колокол“, описывающий события 1936–1938 годов в Испании с позиций, враждебных прогрессивным силам».

В 1960 году опубликовать роман пытается ленинградский журнал «Нева». В феврале в газете «Советская Россия» появилось сообщение о том, что Хемингуэй дал согласие на публикацию романа в «Неве» и что это должно произойти в ближайшее время. Однако новость вызвала недовольство партийного руководства. В упомянутой выше записке ЦК от 12 марта 1960 г. осуждается и заметка в газете, и «самый факт обращения „Невы“ к Хемингуэю». Критикуя роман, составители записки Д. Поликарпов и Н. Казьмин, заведовавшие на тот момент отделом культуры и отделом науки, школ и культуры соответственно, возлагали основную вину за «организацию шумихи» вокруг романа

на и. о. главного редактора «Невы» Е. Серебровскую. При этом сообщалось, что редакция журнала собиралась «опубликовать роман в сокращенном варианте, исключив некоторые эпизоды и предпослав вступительную статью, а также письмо Хемингуэя, которое редакция намерена запросить у писателя, продолжив с ним переписку». В итоге публикация была запрещена, а Е. Серебровскую вызывали в ЦК для «беседы».

В 1962 году по приказу Идеологического отдела ЦК КПСС роман был опубликован в Издательстве иностранной литературы так называемым «закрытым изданием». Оно предназначалось партийному руководству и распространялось по специальному списку, для чего каждый экземпляр нумеровался. Р. Д. Орлова, работавшая в то время в журнале «Иностранная литература», писала после, что видела в редакции экземпляр № 82. Действительно, издание 1962 г. получил главный редактор «Иностранной литературы» А. Б. Чаковский, ссылавшийся на него в своем письме в ЦК партии. Судя по цитатам в письме, а также различным свидетельствам, издание это вышло без купюр и содержало, таким образом, наименее адаптированную версию перевода, найти которую нам, к сожалению, не удалось.

2 июля того же года в «Известиях» было опубликовано написанное еще в 1946 году письмо Хемингуэя Симонову, где вновь упоминался роман «По ком звонит колокол». В этом письме Хемингуэй давал свое согласие на публикацию романа в СССР «с небольшими изменениями или пропуском некоторых имен». Вскоре после этого попытку опубликовать роман предприняли журналы «Иностранная литература» и «Новый мир». Их главные редакторы А. Б. Чаковский и А. Т. Твардовский обратились в ЦК КПСС практически одновременно, 5 и 7 июля. Просьбы были рассмотрены, и разрешение на публикацию получено, однако роман решили издавать не в «Иностранной литературе» или «Новом мире», а в Гослитиздате (после 1963 г. — Издательство «Художественная литература»). Редактирование перевода поручили К. Симонову, он же выступил автором предисловия.

К концу 1963 г. роман был подготовлен к печати, однако и на этот раз попытка публикации завершилась бесславно. Как и в 1960 году, причиной вновь стало недовольство иностранных коммунистов. Так, в части верстки 1963 г. на полях возле эпиграфа к роману (сам эпиграф выделен) написано: «Снято нрзб. Возможна реакция компартии Испании». Далее указаны необходимые действия: «1. Справка об Испании и коммунистах. 2. Показать все Ибаррури. 3. Слабо учитывали возможную реакцию Испании». Действительно, упоминаемая в романе испанская коммунистка Долорес Ибаррури (Пассионария) резко воспротивилась публикации произведения в СССР, пусть и с купю-

рами. Как сообщалось в записке секретаря ЦК КПСС Л. Ильичева, Ибаррури «заявила при этом, что роман Хемингуэя антикоммунистический и антинародный, в котором фашизм представлен в розовом свете, а республиканцы изображены клеветнически». В итоге руководство ЦК предпочло не портить отношений с испанской компартией, и уже готовый набор был рассыпан.

Публикация романа состоялась лишь в 1968 году в третьем томе собрания сочинений Хемингуэя, выпущенного издательством «Художественная литература». Перевод вышел под редакцией К. Симонова (что в целом приближает его к редакции 1963 г.) и с его же вступительной статьей. Впоследствии редакция 1968 г. многократно перепечатывалась.

Таким образом, в нашем распоряжении имеются четыре редакции перевода: две машинописи 1941 г., часть верстки (с правкой) 1963-го и окончательный вариант 1968 г. Перейдем к анализу адаптационных средств, использованных при переводе и подготовке текста к публикации. Наиболее заметное и очевидное из них — многочисленные купюры. Даже в редакции 1968 г. их насчитывается более двадцати, в редакции же 1941 г. — гораздо больше. Документы позволяют проследить, как решался вопрос о включении или исключении тех или иных фрагментов: так, в сохранившейся части верстки 1963 г. присутствует текст, который был впоследствии вырезан.

Причины купирования, как правило, вполне очевидны: политическая целесообразность или нарушение норм приличия (зачастую и то, и другое вместе). Значительная часть неприемлемого содержания, таким образом, не доходила до читателя. Простым изъятием части текста купирование, однако, не ограничивалось. На наш взгляд, при анализе купюры как адаптационного приема интересно не только и не столько то, что именно вызывает претензии и вымарывается, но и то, каким образом изменяется оставшийся текст.

Наиболее заметен смысловой сдвиг в ранней редакции, в которой объем купюр сопоставим с объемом оставленного текста. Вероятнее всего, именно поэтому было решено изменить название и озаглавить опубликованный вариант «Роберт Джордан. Главы из романа „По ком звонит колокол“». Исправления в сохранившейся машинописи свидетельствуют о том, что скорее всего поначалу издание и мыслилось как подборка отдельных глав, опубликованных под теми же номерами, что в оригинале. Вместе с тем, в процессе правки решение изменилось: совпадающие с оригиналом номера глав ликвидируются, и устанавливается своя, сплошная, нумерация. Показательно при этом, что переводчики стремятся сохранить нейтральные с идеологической точки зрения эпизоды, находящиеся в купированных гла-

вах: так, пейзажная зарисовка, открывающая удаленную главу, была перенесена в конец следующей.

В итоге из сорока трех глав оригинала в переводе остались двадцать две. Приведем краткую таблицу с перечнем глав, опубликованных полностью. Отметим лишь, что этим перечнем список крупных купюр в редакции 1941 г. далеко не исчерпывается.

<i>Номер главы</i>	<i>Основное содержание (кратко)</i>
Глава 5	Разговор главного героя с цыганом Рафаэлем. Рафаэль спрашивает у Джордана, почему тот не убил Пабло
Глава 10	Расправа Пабло над фалангистами
Глава 12	Джордан, Пилар и Мария возвращаются от Эль Сордо. Пилар говорит об отношениях Марии и Джордана
Глава 13	Любовная сцена. Размышления Джордана (о Марии, войне и т. д.) Разговор Джордана и Марии с Пилар
Глава 14	Воспоминания Пилар о ее жизни с матадором
Глава 17	Разговор в пещере — в отсутствие Пабло, которого Джордан обещает убить (в этот самый момент Пабло возвращается)
Глава 26 (кроме последнего предложения)	Джордан просматривает документы убитого офицера. Внутренняя речь Джордана (в частности, размышления о том, оправдана ли война)
Глава 31	Любовная сцена
Глава 32	Сцена у Гэйлорда. Карков узнает, что о готовящемся наступлении уже известно. Разговор об Ибаррури
Глава 34	Андрес пробирается к штабу республиканских войск
Глава 35	Любовная сцена. Внутренняя речь Джордана (в том числе воспоминания и дурные предчувствия)
Глава 36	Андрес на республиканской территории
Глава 40	Андрес в штабе республиканских войск
Глава 42	В штабе республиканских войск. Карков и Марти

Даже эта, далеко не полная, таблица купюр позволяет наглядно представить, сколь значительной частью текста были вынуждены пожертвовать переводчики (под прямым давлением цензуры или руководствуясь собственными опасениями) в угоду пуб-

ликации романа. При знакомстве с редакцией 1941 г. становится очевидной тенденция убирать из текста все, что может выглядеть хоть сколько-нибудь сомнительным.

Как отчасти видно из таблицы, в первую очередь опускаются все намеки на то, что судьба партизанского отряда каким-либо образом связана с ошибками командования. В сущности, из всех эпизодов, в которых упомянуто республиканское военное командование, сохранен (в адаптированном виде) только тот момент, где главный герой получает приказ взорвать мост (разговор с Гольцем в начале). Далее все подобные эпизоды купируются. Из восемнадцатой (в переводе — двенадцатой) главы вырезаны воспоминания главного героя о Гэйлорде (так же, как и глава, действие которой происходит в этом отеле). Полностью убрана сюжетная линия, связанная с попыткой Джордана передать донесение Гольцу и походом Андреса в штаб дивизии. Помимо вырезанных глав (34-й, 36-й, 40-й и 42-й) последовательно снимаются все прочие упоминания о попытке Джордана связаться со штабом. При этом делаются как крупные купюры, так и более мелкие. Как свидетельствуют исправления в машинописи, некоторые эпизоды были удалены уже после набора.

В результате подобной правки теряются не только отдельные высказывания или определенные сюжетные ходы, но и целый ряд персонажей (собственно, в редакции 1941 г. отсутствуют почти все персонажи-коммунисты, оставлены только Гольц и Кашкин). Намеки на причастность командования к поражению удаляются крайне тщательно, вплоть до мелочей. См., например, следующее характерное исправление:

When a thing is wrong something's bound to happen. You were bitched when they gave Golz those orders. That was what you knew and it was probably that which Pilar felt.

Когда что-нибудь делается не так, рано или поздно должна случиться беда. Твоя песенка была спета, еще когда ~~Гольц~~ ты получил этот приказ. И ты это знал, и это же, должно быть, чувствовала Пилар.

Как видно, в переводе этого фрагмента указание на участие командования изначально несколько затушевывается. До некоторой степени помогает отвлечь внимание читателя использование двусоставного предложения с подлежащим «Гольц» вместо возможной (и формально более близкой к оригиналу) неопределенно-личной конструкции («Гольцу дали приказ...»). Таким образом, исчезает возможный полунамека на тех, кто именно приказ отдавал. Вместе с тем, чисто синтаксические средства позволяют замаскировать информацию о виновности командования лишь отчасти. Как можно предположить, это вызвало у пере-

водчиков сомнения в «благонадежности» текста, потому и было сделано исправление.

Столь же тщательно удаляется все, что предположительно может быть истолковано в сколько-нибудь негативном для Советского Союза ключе. См., например, следующее исправление (возможно, сделанное ради перестраховки). Речь идет о Кашкине: «Просто у этого русского товарища нервы были не в порядке, потому что он слишком много времени провел на фронте. Он участвовал в боях под Ируном, а там, сами знаете, было плохо». В более поздней машинописи зачеркнутое слово отсутствует.

Помимо упоминаний о республиканском командовании, последовательно удаляются эпизоды, которые можно счесть неприличными. Так, вырезаны практически все постельные сцены Джордана и Марии, кроме первой, и то, как видно, насчет возможности ее публикации у переводчиков и редактора возникали сомнения: на полях стоит зачеркнутая помета «porno». Опять-таки, устранение из текста неприличных моментов проводилось весьма тщательно. Характерны сомнения переводчиков (или редактора) относительно эпизода, где Джордан убивает подъехавшего к лагерю фашистского офицера. В спальном мешке вместе с ним в этот момент находится Мария, и, как свидетельствуют исправления, переводчики и редактор не сразу приняли решение, «оставлять» ли ее в тексте. См. зачеркивания в черновом варианте машинописи:

~~Мария, — сказал он и тряхнул девушку за плечо, чтобы она про-
снулась. — Спрячься в мешок. — Он застегнул одной рукой во-
рот рубашки, а другой схватился за револьвер, опустив предо-
хранитель большим пальцем. Он видел, как стриженная голова
девушки нырнула в мешок, а потом увидел всадника, выезжаю-
щего из-за деревьев.~~

Последующие упоминания о Марии в этом эпизоде также зачеркнуты. Впрочем, в итоге Марию было решено «оставить» в тексте: на полях написано «надо!»

Характерно (и в целом закономерно), что жесткое ограничение свободы переводчиков парадоксальным образом оборачивается вольностью в обращении с текстом. Как свидетельствуют примечания на полях, переводчики, вынужденные конструировать русский вариант романа исключительно из «благонадежных» эпизодов, одновременно и сами (разумеется, лишь до некоторой, весьма небольшой, степени) начинают определять, что именно в этом тексте нужно.

Удалены, в отличие от собрания сочинений 1968 г., и фрагменты с религиозным содержанием. Так, были вырезаны рассуждения Ансельмо о грехе убийства. При этом в одном из слу-

чаев перед нами пример купирования, резко меняющего смысл оставшегося фрагмента. См., например, следующий эпизод:

Да, думал он, я одинокий человек. Но таковы все солдаты, и жены всех солдат, и все те, кто потерял свою семью или своих родителей. Жены у меня нет, но я рад, что она умерла до начала движения. Она бы не поняла его. И детей у меня нет и никогда не будет. Если я ничем не занят, я чувствую себя одиноким и днем, но больше всего мне бывает одиноко, когда наступает темнота. И все-таки есть одно, чего у меня никто не отнимет, ни люди, ни бог, — это то, что я хорошо потрудился для Республики. Я много труда положил для того, чтобы потом, когда кончится война, все мы зажили лучшей жизнью. Я отдавал все свои силы движению с самого его начала, и я не сделал ничего такого, чего можно было бы стыдиться.

Эта мысль понравилась ему, и он улыбался в темноте, когда подошел Роберт Джордан.

В оригинале, однако, герою понравилась совсем другая мысль:

But I think this of the killing must be a very great sin and I would like to fix it up. Later on there may be certain days that one can work for the state or something that one can do that will remove it. It will probably be something that one pays as in the days of the Church, he thought, and smiled. The Church was well organized for sin.

Это лишь конец длинного внутреннего монолога, полностью вырезанного.

Как можно заметить, подобный способ купирования позволяет достичь двойного результата: не только снять «сомнительное» место, но и подчеркнуть преданность Ансельмо республиканскому движению — то есть качество, идеально вписывающееся даже в соцреалистический канон. Ориентацию на этот канон (судя по всему, вынужденную), на наш взгляд, можно проследить в переводе в целом. Проявляется она, в частности, в тенденции к четкому разграничению персонажей на «положительных» и «отрицательных» и своеобразному прояснению (путем купирования) их жизненных позиций. Сомнительные с точки зрения господствующей идеологии действия и высказывания «положительных» героев последовательно вымарываются. Следует отметить, впрочем, что проводимая здесь аналогия с соцреализмом не безусловна. Соцреалистический канон включал в себя постепенное достижение героем «сознательности» (как отмечала, в частности, К. Кларк), а потому предполагал наличие у положительных героев некоторых «отрицательных» черт, при условии, что они, во-первых, недвусмысленно оцениваются автором как отрицательные и, во-вторых, преодолеваются по ходу рома-

на. Но поскольку «По ком звонит колокол» таких оценок и тем более такого «развития» не предполагает, то вполне закономерно, что при адаптации его к сложившимся к весне 1941 г. идеологическим требованиям, переводчики и редактор были вынуждены (или сочли необходимым) максимально приблизить образы героев к однозначно «положительным» или «отрицательным», одновременно сделав их более статичными, чем в оригинале.

Прежде всего, как нетрудно догадаться, при таком подходе значительно сокращается внутренняя речь главного героя. В частности, убрана большая часть терзающих его сомнений (в том числе, например, размышления о том, убивать Пабло или нет). Если учесть, что многие эпизоды, удаленные из-за «недолжного» изображения членов интербригад, тоже даны глазами главного героя, то можно понять, что размышлений Джордана остается намного меньше, в результате чего образ героя существенно трансформируется. По всей видимости, необходимость четко разграничить союзников и врагов, коммунистов и фашистов, заставляет опять-таки полностью удалить из текста главу, в которой описана расправа Пабло над франкистами. Тенденция к «прояснению» характеров прослеживается, однако, и в других, менее значительных, на первый взгляд, эпизодах. Так, Пилар в редакции 1941 г. еще может сказать: «А я и над флагом могу пошутить» и «По-моему, надо всем можно шутить», но озвучить шутку уже не может. Ср. в оригинале: «I could make jokes about a flag. Any flag», the woman laughed. «To me no one can joke of anything. The old flag of yellow and gold we called pus and blood. The flag of the Republic with the purple added we call blood, pus and permanganate. It is a joke». В другом эпизоде зачеркнуто упоминание о попытке партизана ограбить убитого офицера:

He looked through the trees to where Primitivo, holding the reins of the horse, was twisting the rider's foot out of the stirrup. The body lay face down in the snow and as he watched Primitivo was going through the pockets. «Come on», he called. «Bring the horse».

Он посмотрел сквозь деревья, туда, где Примитиво, держа лошадь под уздцы, высвобождал ногу кавалериста из стремени. ~~Убитый висел, уткнувшись лицом в снег и Роберт Джордан увидел, как Примитиво обшаривает его карманы.~~

— Эй! — крикнул он. — Веди лошадь сюда.

Обилие купюр в редакции 1941 г. и произвольная (не соответствующая оригинальной) разбивка на главы позволяет сочетать купирование со своеобразной композиционной адаптацией текста. Приведем в качестве примера перевод отрывка из одиннадцатой (в оригинальном тексте) главы. Джордан, Пилар и Мария разговаривают с подростком Хоакином. В начале отрывка

Хоакин кончает свой рассказ о гибели родных: даже единственного из родственников, кто мог уцелеть, он не надеется застать в живых.

— А может быть все-таки он жив. — Мария положила ему руку на плечо.

— Кто знает. Все может быть, — сказал Хоакин.

Он не двигался с места, и Мария вдруг потянулась к нему, обняла его за шею и поцеловала. Хоакин отвернул лицо в сторону, потому что он плакал.

— Это как брата, — сказала ему Мария. — Я тебя целую, как брата.

Мальчик покачал головой, продолжая беззвучно плакать.

— Я твоя сестра, — сказала Мария. — И я тебя люблю, и у тебя есть родные. Мы все твои родные.

— И даже *Inglés*, — прогудела Пилар. — Верно, *Inglés*?

— Да, — сказал Роберт Джордан мальчику. — Мы все твои родные, Хоакин.

— Он твой брат, — сказала Пилар. — А, *Inglés*?

Роберт Джордан обнял мальчика за плечи.

— Мы все братья, — сказал он.

— Верно, — сказала Пилар и зашагала вперед.

VIII

— А вон он, — сказала Пилар. — *Hola*, Эль Сордо!

Показательно, что в оригинале этот отрывок находится внутри одной главы. Кроме того, в редакции 1941 г. сделана объемная купюра. Не будем полностью цитировать этот фрагмент в оригинале, приведем лишь совсем небольшую его часть:

«Yes», Robert Jordan said to the boy, «We are all thy family, Joaquin».

«He's your brother», Pilar said. «Hey *Inglés*?»

Robert Jordan put his arm around the boy's shoulder. «We are all brothers», he said. The boy shook his head.

«I am ashamed to have spoken», he said. «To speak of such things makes it more difficult for all. I am ashamed of molesting you».

«I obscenity in the milk of my shame», Pilar said in her deep love-ly voice. «And if the Maria kisses thee again I will commence kissing thee myself».

Нетрудно заметить, что слова Джордана «We are all brothers» в оригинале не несут особенной смысловой нагрузки и теряются в потоке диалога. В переводе, напротив, эта реплика акцентируется. При помощи купюры «лишний» контекст устраняется, а разбиение главы на две позволяет поставить эти слова в сильную концевую позицию. Наконец, вводится отсутствовавшее в тексте добавление — реплика Пилар, дополнительно усиливающая эффект слов Джордана. При этом следует от-

метить, что сама по себе тема родства людей и ответственности друг за друга, бесспорно, играет в романе важную роль, о чем прямо свидетельствуют его название и эпиграф (опущенный в присталинской редакции и вызывавший сомнения даже при подготовке несостоявшегося издания 1963 г.). В данном же примере слова Джордана начинают звучать как лозунг. Это, опять-таки, возможно трактовать как ориентацию на каноны соцреализма и стремление представить героев возможно более «положительными».

В более поздних редакциях купюр меньше, сюжет в общих чертах сохранен. Вместе с тем, общая особенность купюры адаптационного приема — способность ощутимо трансформировать смысл оставшегося текста, в полной мере присутствует и здесь. Приведем один пример (воспоминания главного героя о Листере):

They were Communists and they were disciplinarians. The discipline that they would enforce would make good troops. Lister was murderous in discipline. He was a true fanatic and he had the complete Spanish lack of respect for life. In a few armies since the Tartar's first invasion of the West were men executed summarily for as little reason as they were under his command. But he knew how to forge a division into a fighting unit.

Они были коммунистами и сторонниками железной дисциплины. Дисциплина, насаждаемая ими, сделает из испанцев хороших солдат. Листер был особенно строг насчет дисциплины, и он сумел выковать из дивизии настоящую боеспособную единицу.

Как можно заметить, в данном случае купирование изменило смысл отрывка практически на противоположный. Кроме того, помимо купирования в приведенном отрывке использован другой адаптационный прием («murderous» переведено как «особенно строг»). Подобного рода приемы, когда слово или словосочетание передаются при переводе единицей, близкой по значению, но с ослабленной степенью проявления признака или ослабленным эмоционально-оценочным компонентом, встречаются в переводе регулярно. «Ослабленность» того или иного компонента значения в данном случае и является определяющим признаком этого адаптационного приема, который мы условно будем называть «смягчением». Слово это (и требование «смягчить» определенные выражения при переводе) встречается в партийной записке от 9 ноября 1962 г., посвященной изданию романа. Авторы записки считали нужным «не нарушая смысла, заменить некоторые политически сомнительные и двусмысленные формулировки». При этом, как можно понять, критерий «сомнительности» оказывается весьма расплывчатым,

охватывающим самые разные явления. Так, в качестве примера «сомнительной формулировки» приводилась характеристика Гэйлорда, в которой слова «пристанище русских», по мнению авторов записки, следовало заменить на «место пребывания». При этом показательно, что в процитированном в записке закрытом издании 1962 г. это выражение уже подверглось переводческой (или редакторской? — Е. К.) адаптации, ср.: «The hotel in Madrid the Russians had taken over».

Примеры использования этого приема встречаются и в редакции 1941 г., и в собрании сочинений 1968-го. В целом, для версии, вошедшей в собрание сочинений, этот прием, пожалуй, более характерен, так как позволяет адаптировать тот или иной эпизод с меньшим ущербом для смысла. Можно предположить, что в 1941 г. подобным образом адаптировать сомнительные эпизоды было небезопасно, и потому чаще они полностью опускались. Позже, при подготовке более полного текста, степень «неблагонадежности» того или иного эпизода иногда могла обсуждаться, и в зависимости от этого выбиралось средство адаптации. Так, в партийной записке 1962 г. предлагалось «содержащиеся в размышлениях героя слова о „русской интервенции“ <...> заменить упоминанием об участии „русских“». Как позволяет судить сохранившаяся часть верстки 1963 г., вначале так и сделали, но позже решили опустить целый фрагмент.

Оригинал

But there was another story that Karkov had not written. He had three wounded Russians in the Palace Hotel for whom he was responsible. They were two tank drivers and a flyer who were too bad to be moved, and since, at that time, it was of the greatest importance that there should be no evidence of any Russian intervention to justify an open intervention by the fascists, it was Karkov's responsibility that these wounded should not fall into the hands of the fascists in case the city should be abandoned.

Редакция 1963 г.

Но были и такие вещи, о которых Карков не писал. В «Палас-отеле» находились тогда трое тяжело раненных русских — два танкиста и летчик, оставленные на его попечение. Они были в безнадежном состоянии, и их нельзя было тронуть с места, а так как в то время считалось важным не оставлять никаких доказательств участия русских, Каркову необходимо было позаботиться о том, чтобы эти раненные не попали в руки фашистов в случае, если город решено будет сдать.

Редакция 1968 г.

Но были и такие вещи, о которых Карков не писал. В «Палас-отеле» находились тогда трое тяжело раненных русских — два танкиста и летчик, оставленные на его попечение. Они были в безнадежном состоянии, и их нельзя было тронуть с места, Каркову необходимо было позаботиться о том, чтобы эти раненные не попали в руки фашистов в случае, если город решено будет сдать.

Приведем еще примеры «смягчений» в тексте собрания сочинений.

1. It would have been very interesting for Robert Jordan to have heard Pablo speaking to the bay horse but he did not hear him because now, convinced that Pablo was only down checking on his horses, and having decided that it was not a practical move to kill him at this time, he stood up and walked back to the cave.

2. But I still believe that political assassination can be said to be practised very extensively.

Роберту Джордану было бы очень интересно услышать, о чем говорил Пабло с гнедым жеребцом, но услышать ему не пришлось, так как, убедившись, что Пабло пришел сюда только проверить, все ли в порядке, и, решив, что убивать его сейчас было бы неправильно и неразумно, он встал и пошел назад, к пещере.

Но все-таки можно считать, что метод политических убийств применяется довольно широко.

Прием «смягчения» часто используется одновременно с купированием. Собственно, именно так он использован в последнем примере: в частности, вырезан фрагмент диалога, речь в котором идет о политических убийствах: «It is practised very extensively», — Karkov said. «Very, very extensively». «But».

Как и купюры, «смягчения» зачастую используются таким образом, что довольно существенно меняют общий смысл фрагмента текста. Ср., например:

«...One man who could keep his mouth shut could save the country if he believed he could».

«Your friend Prieto can keep his mouth shut».

«But he doesn't believe he can win. How can you win without belief in the people?»

«You decide that», — Karkov said. «I am going to get a little sleep».

...Хоть бы один человек нашелся, умеющий держать язык за зубами. Он мог бы спасти страну, если б только сам верил в это.

— Ваш друг Прието умеет держать язык за зубами.

— Но он не верит в то, что можно победить. А как победить без веры в народ?

— Вы правы, — сказал Карков. — Ну, я иду спать.

В оригинале, отвечая «You decide that», Карков дает собеседнику понять, что не желает продолжать разговор. Но поскольку, вероятно, пренебрежительное отношение к «вере в народ» было сочтено недопустимым, в переводе Карков сначала соглашается с собеседником и лишь потом завершает диалог.

Еще один адаптационный прием — особого рода «прояснения смысла», отчасти сродни известному в переводоведении приему экспликации. Специфика этого приема в том, что он используется не столько для объяснения потенциально непонят-

ных читателю мест, сколько для своеобразного идеологического «прояснения» некоторых моментов. В итоге смысл оригинала, порой достаточно неопределенный, заменяется на более однозначный. Ср.:

(Диалог Ансельмо и Джордана)

«I do not like to kill men».

«Nobody does except those who are disturbed in the head», — Robert Jordan said. «But I feel nothing against it when it is necessary. When it is for the cause».

— Я не люблю убивать людей.

— Этого никто не любит, разве те, у кого в голове неладно, — сказал Роберт Джордан. — Но я не против, когда это необходимо. Когда это надо ради общего дела.

(Диалог Джордана и цыгана Рафаэля)

«Kill him now», — the gypsy urged.

«That is to assassinate».

«Even better», the gypsy said very softly. «Less danger. Go on. Kill him now».

«I cannot in that way. It is repugnant to me and it is not how one should act for the cause».

— Убей его сейчас, — настаивал цыган.

— Это будет убийство из-за угла.

— Тем лучше, — сказал цыган совсем тихо. — Риску меньше. Ну? Убей его.

— Я так не могу. Это подло, а тем, кто борется за наше общее дело, подлость не к лицу.

(Размышления Джордана)

It would be ideal if she would kill him, or if the gypsy would (but he will not) or if the sentry, Agusthn would. Anselmo will if I ask it, though he says he is against all killing. He hates him, I believe, and believes in me as a representative of what he believes in.

Лучше всего было бы, если б она сама его убила, или цыган (только он не убьет), или часовой Агустин. Ансельмо сделает это, если я скажу, что так нужно, хоть он и говорит, что не любит убивать. По-моему, он ненавидит Пабло, а мне он доверяет и видит во мне представителя того дела, в которое верит.

Можно заметить, что приведенные примеры достаточно неоднородны. Так, во втором случае смысловое различие между переводом и оригиналом весьма ощутимо. Прежде всего, характерен перевод «the cause» словосочетанием «наше общее дело» (тем более в сочетании с глаголом «бороться»). Кроме того, показательна интерпретация «repugnant to me» в моральном ключе — как «подло» (что к тому же усиливается повтором: «подлость»). Все эти трансформации привносят в речь Джордана патетику, в целом ей несвойственную, и снимают характерный для стиля Хемингуэя эффект недосказанности. Таким образом, как

можно предположить, слова героя приводятся в соответствие со стереотипными представлениями об освободительной борьбе и связанными с этими представлениями речевыми клише.

В последнем примере, напротив, приращение смысла ощущается меньше (хотя и здесь, судя по всему, содержится отсылка к очень значимому для советской идеологии концепту «дела»). Вместе с тем, следует учитывать, что идеологические экспликации используются в тексте неоднократно. Аппелируя к распространенным представлениям об освободительной борьбе и «общем деле», они тем самым позволяют до некоторой степени адаптировать текст. Функция подобных экспликаций — не избавление от идеологически «чужого», а акцентирование (и отчасти привнесение) идеологически «близкого».

Наконец, помимо текстовых средств адаптации, важное значение придавалось такому внетекстовому приему, как вступительная статья, которую еще в 1962 году поручили подготовить К. Симонову, редактировавшему и перевод (о том, предполагалось ли сопровождать предисловием или послесловием публикацию романа в «Знамени», нам, к сожалению, ничего не известно). В деле, содержащем часть правки 1963 г., эта статья приводится в разных вариантах и с многочисленными исправлениями. В предисловии к третьему тому собрания сочинений Хемингуэя (включающему в себя не только «По ком звонит колокол») под названием «Испанская тема в творчестве Хемингуэя» воспроизведен, с некоторыми изменениями, тот же текст.

В предисловии Симонова, как и во многих советских предисловиях того времени, выдержан баланс между одобрением и критикой романа: с одной стороны, необходимо показать смысл его публикации, с другой — предостеречь читателя от «неверного» понимания. При этом акценты, судя по всему, расставлены довольно умело. Основным достоинством романа названа его антифашистская направленность, «непримиримая и действенная ненависть Хемингуэя к фашизму», и именно эту тему Симонов развивает особенно глубоко. Несомненно, такой ход (в целом достаточно распространенный, а в данном случае имеющий основание в самом тексте) был весьма удачным. Одновременно с этим Симонов рассматривает «заблуждения» и мировоззренческие противоречия как самого Хемингуэя, так и главного героя романа:

Роберт Джордан беззаветно сражается за дело народа, и в то же время в своих мыслях, думая о народе, революции, коммунизме, часто и многое судит со своих, не разделяемых нами позиций. Нет нужды проследивать за всеми ходами мыслей Джордана и анализировать их противоречивость. Ибо противоре-

чивость — в самой сути его общественной личности и потому на всем протяжении романа не только психологически оправдана, но и логична.

В дальнейшем эта противоречивость неоднократно подчеркивается.

Как позволяют судить черновики предисловия, при подготовке издания 1963 г. от Симонова требовали еще большего усиления названных выше тенденций. Так, весьма показательное одно исправление (впрочем, так и не вошедшее в текст предисловия 1968 г.): «Рисую сложную, противоречивую картину лагеря Республики и многое в этой картине рисуя ~~не таким, как это видим мы~~ очень субъективно, Хемингуэй [вставлено: однако] на протяжении всего романа никогда не выпускает из виду самого главного». Точно определить автора исправления, нам, к сожалению, не удалось, понятно лишь (из примечаний на полях), что принадлежит оно не Симонову. Характерно в данном случае, что более мягкое противопоставление разных точек зрения предлагается заменить на оппозицию «субъективное — объективное». Таким образом, авторской позиции противопоставляется не другая возможная точка зрения, но сама реальность и верный способ ее истолкования. Одновременно с усилением критической составляющей требовали увеличить и число «патриотических» пассажей. Показательно, например, следующее исправление: «Хемингуэй отдает должное героизму ~~русских~~ советских людей, участвовавших в борьбе испанского народа». Или другой пример: Симонов пишет о гибели сына Ибаррури под Сталинградом (приведем цитату по собранию сочинений):

Но в том «тихом месте», куда мальчиком приехал сын Ибаррури, он, едва перешагнув за двадцать лет, пошел в бой с тем же самым фашизмом, с которым воевала его мать, и сражался как герой и умер у стен Сталинграда за свободу России, за свободу Испании, за свободу всего человечества. Хемингуэй был исторически неправ в той сцене (сцене разговора партизан) своего романа, и сама история сказала потом об этом.

Как можно видеть, строки эти, во-первых, довольно патетичны, во-вторых, вполне «ясны» в идеологическом отношении. Тем не менее, комментатор на полях требует добавления: «Страна, куда приехал мальчик, была главной антифашистской силой». Одновременно те, кто правил статью, требовали убрать из предисловия пассаж Симонова о сталинских репрессиях, что в итоге и было сделано.

Отдельный интерес представляет соотношение предисловия и собственно текстовых способов адаптации. Соотношение это

весьма неоднозначно. Отчасти статья Симонова используется как альтернатива купированию: именно такую роль выполняет процитированный выше отрывок о сыне Ибаррури. Как свидетельствует уже приводившаяся выше записка отделов ЦК КПСС, объяснение в предисловии позволило сохранить в тексте один из разговоров партизан, нелестно отзывающихся о Долорес Ибаррури.

В других случаях в предисловии объясняются уже «адаптированные» эпизоды. Так, достаточно подробно Симонов пишет об эпизодах, связанных с отелем «Гэйлорд» и советскими участниками войны — эпизоды эти подверглись существенной адаптации. На некоторые из них мы смотрим глазами главного героя, при этом, как уже отмечалось выше, в предисловии подчеркивается узость его точки зрения. Таким образом, мировоззрение Джордана преподносится читателю как чуждое, но приемлемо чуждое.

Как можно заметить, различные адаптационные приемы применяются совокупно и в употреблении их можно проследить определенные тенденции, позволяющие говорить о целостной адаптации переводного текста и об особых стратегиях этой адаптации. Как нам представляется, стратегии эти на разных этапах подготовки текста были разными.

В редакции 1941 г. заметна тенденция к максимальному «идеологическому освоению» текста и, возможно, даже ориентация на соцреалистический канон. При подготовке текста к публикации последовательно и тщательно устраняется чуждое и подчеркивается (а порой и привносится) «свое». Подобный подход, вполне вероятно, связан с исторической ситуацией, когда любая «инаковость» могла быть истолкована как нелояльность и враждебность. Кроме того, надпись на архивном деле и сохранившаяся правка заставляют предположить, что адаптацией текста занимались непосредственно переводчики и редактор. Если это действительно так, то вполне понятно, что в существующих обстоятельствах они предпочли наиболее «безопасную» адаптационную стратегию: попытка провести в печать даже условно «неблагонадежные» эпизоды, вероятно, была бы сопряжена с большим риском.

Следует отметить, что, даже жертвуя значительной частью текста, переводчики стремились доступными способами передать его своеобразие. Об этом, в частности, свидетельствует приведенный выше пример с перенесенной в другую главу пейзажной зарисовкой. Кроме того, редакция 1941 г. весьма интересна в стилистическом отношении. Как ни парадоксально, именно в ней делается попытка передать некоторые существенные стилистические черты оригинала, которые в позднейшей, книжной, ре-

дакции будут заметно «сглажены». Так, в частности, на этом этапе работы над текстом переводчики пытаются хотя бы отчасти передать нарочитую «странность» текста, когда структура испанского языка, на котором говорят персонажи, воспроизводится средствами языка английского. См. характерное употребление «woman» вместо (и помимо) испанского «mujer», обозначающего одновременно женщину и жену (например, «woman of Pablo»). В редакции 1941 г. эта особенность сохранена (так, регулярно встречается, «женщина Пабло»), в позднейших редакциях она исчезает, и «woman» в подобных контекстах переводится как «жена» или же заменяется испанизмом. Прослеживается попытка передать и другие стилистические черты оригинала (те, которые будут утеряны в дальнейших редакциях). Подробно останавливаться на проблеме передачи такого рода стилистического своеобразия мы не будем — проблема «сглаживания» текста и его возможной идеологической составляющей весьма не проста и требует отдельного рассмотрения. Здесь же отметим только, что в редакции 1941 г. отчетливо прослеживаются две отчасти противоположных тенденции: тенденция к возможно большей адаптации текста и стремление к передаче своеобразия оригинала.

В редакции 1968 г. (как и в неопубликованной редакции 1963-го) стратегия адаптации принципиально иная. С одной стороны, в этом варианте сохранена значительно большая, чем в машинописи 1941 г., часть текста. С другой стороны, как мы показали выше, влияние идеологического фактора весьма ощутимо и в этом издании. При этом, как уже отмечалось, в предисловии Симонова подчеркивается противоречивость и субъективность взглядов как главного героя романа, так и самого Хемингуэя. Таким образом, «чуждое» в романе не устраняется полностью, а напротив, акцентируется. Вместе с тем, за счет текстовых адаптационных приемов достигается некая «приемлемая» степень этой чуждости. Эта установка на «приемлемую чуждость», при которой конструируется специфический образ «своего чужого», и является, на наш взгляд, основной адаптационной стратегией в редакции 1968 г. При всем различии адаптационных стратегий и несопоставимости текстовых «потерь» и ранняя, и поздняя версии перевода позволяют говорить о том, что адаптация затрагивает не отдельные фрагменты текста, но весь текст как целое, подвергая его существенной трансформации.